

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Ты помнишь Алана из Клэра, одного из кузенов твоего отца?

— А должен?

— Конечно! Две собаки, один глаз, ни разу не был женат...

Он приезжал к нам пару раз, когда ты был маленьким.

— Ну да...

— Умер! Скончался от инфаркта, упокой, Господи, его душу. Я прочитала в газете на прошлой неделе.

Прежде Пол не замечал, до чего холодны руки пожилых. Но когда хрупкие пальцы его потрогали, словно желая убедиться в том, что он действительно существует, он не смог не обратить на это внимания. Честно говоря, теперь ему было трудно думать о чем-то еще.

— Сердечный приступ случился, когда он принимал ванну, — продолжила она. — Думаю, дело в этих модных солях для ванн. Кто знает, чего они туда подсыпают...

Пол кивнул, выразив малую толику согласия, необходимого ей, чтобы не застрять в той мысленной колее, в которой бродило ее сознание.

Но разве не трупы должны холодеть? В детстве Барри Доддс рассказал ему, что однажды на поминках уронил на себя тело своей бабушки, и это было все равно что оказаться погребенным под дюжиной замороженных индеек. Между прочим, он еще говорил Полу, что трогать женскую грудь — это как щупать жареную курицу. Очевидно, парень был одержим домашней птицей...

— Такой молодой... Ему ведь было всего...

Маргарет умолкла и стала смотреть в потолок, пытаясь сложить сумму, для которой у нее явно недоставало цифр.

Интересно, дети действительно очень теплые? Возможно, мы начинаем жить в виде крошечного инферно из кипящей энергии и со временем остываем до температуры трупа?

Размышления Пола о детях были чисто умозрительными. Несмотря на двадцать восемь прожитых лет, ему еще не доводилось держать их в руках.

Уже в который раз пластинку в голове Маргарет заело.

— Я беседовала с женщиной из Данбойна, что лежит в соседней палате. Она сказала, что Дублином теперь управляют Триады.

— Неужели?

— Об этом писали в «Геральд», — доверительно сообщила Маргарет. — В наше время от китайцев проходу нет! Я вообще не понимаю, что происходит. Ты бы не выходил из дома по вечерам.

— Я слышал, многие из них носят мечи.

— Серьезно?!

— Ага. Они обожают рубить головы и всякое такое...

Он уже собрался проиллюстрировать свои слова пантомимой, как вдруг за спиной раздалось многозначительное покашливание. И ведь что характерно: сорок пять минут кивания и вежливых хмыканий, но как только речь зашла об обезглавливании — сестра Бриджит тут как тут. Она стояла у дверного косяка, скрестив руки, и смотрела на него осуждающим взглядом.

— Как у вас дела? — спросила она, войдя в палату.

— Великолепно, — ответил Пол. — Болтаем без умолку.

— Это мой Гарет, — сказала Маргарет, указав на Пола.

— Знаю, Маргарет. Мы с ним встретились, когда он заходил в больницу.

Маленькое морщинистое лицо Маргарет озарилось гордостью.

— Он адвокат, — просияла она. — Летает по всей Европе. На прошлой неделе ездил в командировку в Брюссель.

— Подумать только!

Маргарет машинально наклонилась вперед, чтобы Бриджит смогла взбить ее подушки.

— Как здорово, что он нашел время навестить бабушку, — сказала Бриджит.

— Маму, — поправил Пол.

— Да, он мой...

Старуха вдруг замолчала и недоуменно уставилась на Пола, пытаясь разглядеть его сквозь туман старости и угасающих воспоминаний. Полу показалось, что он услышал тошнотворный скрип, словно под ним затрещал лед, готовый вот-вот лопнуть.

Закончив поправлять подушки, Бриджит хлопнула в ладоши. Резкий звук отвлек Маргарет, и на ее губы вернулась улыбка. Пол слегка расслабился.

— В следующий раз, — сказала Бриджит, — пусть приходит днем, и тогда вы вместе прогуляетесь на свежем воздухе — если, конечно, физиотерапевт будет не против.

Она выразительно посмотрела на Пола, явно ожидая, что он пропустит слова мимо ушей и не клюнет на приманку.

— Да, это было бы здорово, — сказал он, улыбнувшись Бриджит со своего места у кровати.

Пышная грудь медицинской сестры идеально сочеталась с сердитым выражением лица. Честно говоря, она была вполне недурна собой: на пару лет старше Пола, коротко подстриженные каштановые волосы, сносная фигура. Конечно, у нее был не «тот лик, что тысячи судов гнал в дальний путь»¹,

¹ Цитата из пьесы Кристофера Марло «Доктор Фаустус» 1604 года, приведенная в переводе Н. Н. Амосовой. *Здесь и далее прим. пер.*

но в очереди за продуктами она, безусловно, привлекла бы к себе внимание.

Бриджит говорила с довольно сильным сельским акцентом, но Пол, как типичный дублинец, ни за что бы не догадался, в какой местности она росла. Кроме того, ее тело излучало характерную «фермерскую силу». Нет, она не была ни толстой, ни мускулистой, скорее жесткой, что как бы намекало на способность завалить корову, если вдруг возникнет такая необходимость.

— Но сейчас довольно сыро, — робко возразила Маргарет.

Пол взглянул на Маргарет и еще раз поймал ее лучезарную улыбку.

— Да, мам, — сказал он, возвысив голос, чтобы она его услышала. — Очень важно, чтобы ты продолжила заниматься физиотерапией, и тогда мы точно поставим тебя на ноги. А там, глядишь, и по ночным клубам пройдемся.

— О, Гарет, ты невыносим, — усмехнулась Маргарет. — Вы бы не спускали с него глаз, сестра.

— Наверное, придется...

Пол попрощался и легонько чмокнул Маргарет в лоб. Снова это холодное липкое ощущение. Против воли он вспомнил, как нюхал утром ветчину, чтобы определить ее свежесть. Кажется, несколько ближайших дней ему придется завтракать одними тостами с сыром.

Выйдя в коридор, он принялся нащупывать в кармане мобильник, как вдруг его ударили по затылку свернутым в трубочку журналом «Вуменс уикли». Не настолько сильно, чтобы причинить боль, но и на заигрывание удар не походил.

— Это еще за что? — спросил он.

— А ты догадайся.

— Спокойно! Старики обожают слегка пощекотать себе нервы.

— Легко сказать. Тебе же не приходится их успокаивать, когда они вдруг решают, что китайка, выносящая медотходы, приторговывает наркотиками.

— А ты уверена, что она этого не делает?

— Поверь мне, я у нее спрашивала.

— Что ж, — сказал Пол, взглянув на телефонные часы. — Прошло три часа семь минут, так что не могла бы ты расписаться в моем листе и...

Бриджит неловко переступила с ноги на ногу.

— Я хочу, чтобы ты нанес еще один визит...

— Три часа семь минут, — повторил Пол так, будто Бриджит его не расслышала. — Плюс два часа пятьдесят восемь минут визитов, которые я сделал в понедельник. Итого шесть часов пять минут. Лишних пять минут, которые вы уже получили с меня бесплатно.

Бриджит бросила на него смущенный взгляд. Пол увидел, как борется в ней вопрос, который она хотела задать, с просьбой об одолжении, в котором она нуждалась. Наконец просьба победила, и Бриджит слегка смягчила тон. Кажется, вежливость ей давалась нелегко.

— Пожалуйста, всего одно посещение. Там, наверху, в отдельной палате лежит старик...

— Был бы рад помочь, — солгал он, — но мне нужно успеть на автобус.

Про автобус он сказал правду. «Форд-Кортина» двоюродной бабушки Фиделмы, переживший Берлинскую стену, «Конкорд» и Нельсона Манделу, четыре недели назад внезапно испустил дух на скоростной трассе М50, и у него не нашлось свободных денег, чтобы вернуть его в строй. Мало того, пришлось потратить весь доход за прошлый месяц и половину заначки лишь на то, чтобы убрать сломанную машину с дороги.

— Ты так и живешь на Северной круговой? — спросила Бриджит.

— Ага.

Она сделала паузу, явно взвешивая все в уме.

— Одно посещение, и я подброшу тебя до дома. Моя смена заканчивается через час. Договорились?

Ну, это лучше, чем морозить задницу на автобусной остановке, плюс останется 3,30 евро на пополнение записки.

— Ну хорошо, — ответил он. — Но только без этого всякого. А то я знаю вас, медсестер.

Бриджит закатила глаза.

— Постараюсь держать себя в руках.

Он вопросительно помахал сигаретами. Она скорчила одно из своих бесконечных неодобрительных выражений, но потом кивнула, приглашая следовать за собой.

Бриджит с размаху открыла пожарную дверь, и Пол прошел мимо нее на холодный ноябрьский воздух. Было достаточно свежо, чтобы захотелось надеть пальто, оставленное в комнате для персонала, но не настолько, чтобы тащиться за ним в такую даль. Он удивился, когда она вышла следом и встала рядом с ним, обхватив себя руками и переступая с ноги на ногу.

— Твою ж мать... — вздохнула она.

— Тебе не кажется странным, что не так давно в больницах разрешалось курить?

— Ага, — вздохнула Бриджит. — Добрые старые времена, когда люди просто умирали.

Вытягивая предпоследнюю сигарету, он заметил взгляд Бриджит, задержавшийся на пачке. Тогда он протянул пачку ей.

— Здесь последняя.

— Не переживай, у меня их полно.

Формально это было правдой. Полгода назад он приобрел двадцать пять пачек по двадцать сигарет у Подрига за восемьдесят евро и приучил себя выкуривать по одной сигарете в день. Он уже подумывал бросить окончательно,

но в этом случае *она* победит. А он пока не был к этому готов. Тем не менее три евро тридцать центов, сэкономленные на автобусе, за вычетом шестнадцати центов за одолженную сестре Конрой сигарету всё еще позволяли ему выгадать 3,14 евро на сделке.

Бриджит прикурила сигарету, обхватив ладонями его зажигалку.

— Благодарю.

Они одновременно затаились и взглянули на свои тени, вытянувшиеся по ухоженным лужайкам хосписа под безжизненным светом люминесцентных ламп.

— Можно задать вопрос? — спросила Бриджит.

Он слегка напрягся, зная, что последует дальше.

— Ну почему люди всегда так говорят? Во-первых, ты уже спросила, а во-вторых, никто никогда не принимал «нет» в качестве ответа.

— Эй, не надо так бурно реагировать. Я просто поддерживаю разговор.

Она стряхнула пепел в водосток и еще крепче обхватила себя руками. Оба сделали по очередной затяжке, молчаливо согласившись с тем, что он повел себя как мудак.

За чугунной оградой на противоположной стороне улицы Пол заметил лису. В свете уличных фонарей она то появлялась, то исчезала на тротуаре.

Наконец он нарушил молчание:

— У меня специфическое лицо.

— Что? — не поняла Бриджит.

— Ты же это хотела спросить? Как мне удастся делать то, что я делаю?

— Да, но...

— А теперь, — перебил он, — ты скажешь, что хотела спросить не только об этом.

— Ты еще и мысли читать умеешь?

Повернувшись, Пол посмотрел ей в глаза.

— Окей. Я тебя слушаю.

— Ну да, Шерлок, ты совершенно прав. Это то, что мне хотелось узнать. Но ты не можешь обладать «специфическим лицом» — оно у каждого свое. И в твоём нет ничего особенного. Без обид.

— Ты всерьёз считаешь, что, сказав «без обид», ты волшебным образом делаешь свои слова безобидными?

Впрочем, она права. В его лице не только не было ничего особенного, но даже наоборот — оно было совершенно типичным. Рост около ста восьмидесяти сантиметров², голубые глаза, каштановые волосы. Он был абсолютно заурядным человеком — в этом все и дело. Средний во всем, с самыми распространенными чертами лица. У него не было ни единой приметы, которую можно было бы назвать «особой». Каждая черточка его физиономии являла собой непревзойденный шедевр заурядности, эстетическое воплощение незапоминающейся посредственности. Но вместе они складывались в оркестр, способный воспроизвести лицевую музыку богов.

— При этом, — продолжила она, — Маргарет думает, что ты ее внук...

— Сын, — поправил Пол.

— Точно. Старый Донал, лежащий дальше по коридору, считает тебя молодым парнем его соседки. А миссис Джеймсон решила, что ты...

— Я не уверен, — перебил Пол, — но мне показалось, что она принимает меня за дворецкого.

— Честно говоря, она со всеми обращается как с прислугой. На прошлой неделе допытывалась у меня, хранится ли

² Английская система мер и весов переведена в международную систему единиц.

ее судно отдельно от остальных. Эта женщина всерьез считает, что ее дерьмо не воняет.

Пол улыбнулся. Миссис Джеймсон в самом деле про-
являла великосветские замашки.

— Я хотела спросить, — сказала Бриджит, — зачем ты притворяешься тем, кем на самом деле не являешься?

Пол пожал плечами.

— Наверное, так проще, — он нисколько не лукавил: пусть это и не вся правда, но он ответил честно. — Пациенты, к которым приглашает меня больница, уже старые, с мерцающим сознанием. Ты видела, на что это похоже, когда люди навещают родственников, страдающих деменцией или чем-то таким?

— Это нелегко, — кивнула Бриджит. — Им приходится беседовать с родным человеком, который их не узнает. Душераздирающее зрелище. Со временем визиты к таким пациентам становятся все реже, поскольку от них одно расстройство.

— Именно. Старики помнят достаточно, чтобы заключить, кто перед ними. Поэтому, когда я вхожу и говорю «привет»...

— Ты просто притворяешься кем угодно?

— Нет. Я просто соглашаюсь с тем, что они решают для себя сами.

— Но ты же другой человек.

— Знаю, но это не так уж сложно. Как поживает тот-то и тот-то? Неплохо. А эта — как-ее-там-с-радикулитом — еще жива? Вполне. Большую часть времени они с удовольствием говорят о своем, просто радуясь самой возможности поболтать. Если хочешь знать святую правду, у большинства людей всегда есть что сказать, но не так много того, что им хочется услышать.

Конечно, официально администрация больницы не одобряла такую деятельность, но вынужденно закрывала на нее

глаза. Это, конечно, печально, но ощущение того, что одной ногой они еще стоят в прошлой жизни, делало пациентов счастливее, а значит (как иногда цинично думал Пол), и более управляемыми. К тому же для больницы его услуги ничего не стоили, а значит, были несопоставимо дешевле наркотиков.

Пол снова затянулся сигаретой, наслаждаясь ее контрафактным вкусом. Выдохнув и посмотрев через лужайку, он увидел, как лиса внимательно наблюдает за ним, вытягивая недоеденный сэндвич из урны возле газетных киосков. Лиса не походила на запуганное животное, готовое в любой момент дать стрекача. Это была дублинская лиса, чей взгляд как бы говорил: «Еда теперь моя. Попробуй ее отнять».

— Итак, — сказала Бриджит, — как ты докатился до того, что стал бабушкиным шептуном?

В последнее время его часто обзывали обидными прозвищами за его занятие. Но это, без сомнения, было самым милым.

— Несколько лет назад одна женщина... которая обо мне заботилась... — Полу не хотелось вдаваться в подробности, — ...серьезно заболела и попала в больницу Святой Екатерины. Она оказалась в одной из тех палат, ну... из которых есть лишь один выход.

Бриджит кивнула.

— Я довольно часто навещал ее, и однажды одна из соседок по палате — женщина в поздней стадии Альцгеймера — приняла меня за своего брата, уехавшего в Америку. Было понятно, что он уже никогда не вернется, но она хотела ему что-то рассказать. И тогда я...

— Прodelал свой трюк, — перебила Бриджит.

— Это не трюк!

Вздрогнув от внезапного гнева Пола, Бриджит умиротворяюще подняла руки.

— Извини.

— Меня попросили помочь, и я помог.

— А потом твоя слава распространилась по всей стране и...

— Типа того.

На самом деле ничего подобного, но ему не хотелось сейчас об этом говорить. На нем лежало обязательство шесть часов в неделю заниматься благотворительностью, поэтому дежурная медсестра по его просьбе сделала несколько нужных звонков. В конце концов, посещение пациентов — это работа в помещении и без подъема тяжестей.

Пол взглянул на Бриджит. Ее глаза, обращенные к затянутому тучами небу, явно перебирали целый список пунктов. Сестра была из тех, кто любит задавать дополнительные вопросы.

— А зачем ты отмечаешься в регистрационных листах? — спросила Бриджит. — Ты на условно-досрочном или приговорен к общественным работам? Что-то в этом роде?

— Нет, — ответил он, слегка пожившись от собственного голоса, в котором прорезались оборонительные нотки. — Меня даже ни разу не арестовывали, — солгал он. — Я просто люблю заниматься благотворительностью.

— И с каких это пор благотворители требуют расписываться в листах, подтверждающих, что они посещают больницу шесть часов в неделю?

Вместо ответа Пол бросил окурочек в решетку водостока и вытащил из заднего кармана телефон.

— Нам лучше поторопиться, если ты хочешь, чтобы я навестил того старика.

— Да, конечно, — ответила Бриджит, слегка смущенная тем, что переступила черту.

Бросив сигарету, она затушила ее ногой, одновременно убрав волосы за ухо.

Пол посмотрел через дорогу. Лиса внимательно обнюхала добытый ею сэндвич, но вместо того чтобы съесть, подняла лапу и обдала его мочой. Животная экспертиза показала, что питаться этим нельзя.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Ты вообще меня слушаешь?

— Конечно.

Честно говоря, Пол не слушал.

Поначалу он пытался вникнуть в суть просьбы, но потом начал размышлять о дезинфекции. Почему в больницах так сильно воняет? Даже от медперсонала разит этой дрянью. По заплаканным людям в коридоре невозможно понять — то ли их дедушка отбросил коньки, то ли от мерзких паров у них просто слезятся глаза.

Бриджит остановилась перед одной из отдельных палат так резко, что пластиковые подошвы скрипнули по кафельному полу.

— Значит... — Пол небрежно указал на дверь. — Она здесь?

— Он! — ответила Бриджит. — Здесь *он*.

— Я знаю. Я имел в виду палату. Палаты женского рода, как всем известно.

— Вот жопа.

— Тоже женского. А твоя, должен заметить...

— Заткнись, — перебила она. — Итак, повторяю для тех, кто не слушал: этот джентльмен поступил к нам три недели назад, и с тех пор никто его ни разу не посетил.

— А он кого-то ждет? Родственников? Друзей?

— Без понятия, но он три-четыре раза в день спрашивает, не приходил ли кто к нему.